

В прошлом все слова Виолетты, обращенные к Клавдию, были покрыты тысячью различных намерений.

Это были не только о милости, но и эгоизме, ревности и слабой надежды. Всё это было окутано любовью, но её прозрачные смешанные чувства не были красивыми ни по каким стандартам.

Честно говоря, Виолетта была сыта этим по горло. Она почувствовала такое отвращение, что её чуть не стошнило.

Хотя она вела себя так, словно выражала свою любовь, сама она не отражалась в этих глазах. В глазах Клавдия - Виолетта, которая удовлетворяла свои чувства, держа в руках только сосуд любви, была смешной и жуткой. Виолетта, своенравная и эгоистично откровенная, была для Клавдия всего лишь странным чудовищем.

Даже когда Клавдий не видел Виолетту, он подозревал её до такой степени, что не мог чувствовать себя в безопасности, как правило, что-то вроде предубеждения. Для Клавдия Виолетта была соперницей, с которой ему ничего не оставалось, как быть настороже.

Она была его противником, и всё же....

- Я не видел твою фигуру, и ты не пришла поговорить со мной, поэтому я подумал, что ты что-то задумала. После этого... я узнал о деле семьи Ваан.

После того как Виолетта потеряла мать, вторая жена герцога и её сводная сестра появились в мгновение ока.

Клавдий понимал, что Виолетта была взволнована этим событием, и у неё не было времени обращать на него внимание. И хотя это было неблагоприятно, Клавдий не знал, потеряет ли она к нему интерес.

Между тем, в тот день Клавдий был разочарован в одно мгновение, посмотрев только на эту сцену. Он подумал, что в конце концов характер Виолетты несколько не изменился.

То, что произошло в результате... ему даже не нужно было этого говорить.

- Я интерпретировал ситуацию так, как мне было удобно. Я решил, что таковы факты... и обвинил тебя.

Клавдий мог бы оправдать то, что он сделал, как правило, но это было то, что он не должен был делать. Он был свободен, чтобы иметь любое впечатление, которое он имел со стороны, но как только он решил вмешаться, он должен был быть справедливым. По крайней мере, он должен был смотреть на это состояние объективно, а не субъективно.

Даже если Клавдий хотел защитить жертву своей властью принца, он должен был понять причину, по которой преступник был осуждён.

- В конце концов, я действовал с предубеждением, подставил тебя и даже стал высокомерным... я в то время не был квалифицирован, чтобы говорить о справедливости.

Клавдий встал, и Виолетта, естественно, подняла голову. Она должна была увидеть белую кожу Клавдия и его золотистые глаза.

Не вихрь золотых волос, свисающих на затылок.

- ...!?

- Прости... я действительно чувствую себя виноватым за это.

- Ч-что ты такое?...

Виолетта не сразу поняла, что происходит, а когда пришла в себя, было уже слишком поздно. Первое, что она почувствовала, увидев человека, склонившего перед ней голову, была ужасная паника.

Виолетта считала, что принц должен высоко держать голову и не перед кем не должен извиняться.

- Пожалуйста, подними голову... если кто-нибудь увидит, как ты это делаешь в таком месте, я...!

Изначально Королевской семье не разрешалось извиняться перед людьми с более низким социальным статусом, чем у них. Люди, которые были полны благожелательности и равенства, неодобрительно отнеслись бы к этой теории, но на самом деле извинения члена Королевской семьи, о которых идёт речь, имели много скрытой ценности.

Думать, что существо, которое должно быть наверху, признавало их неправоту перед людьми, которыми они руководили....

Не признавать своей вины было своего рода их гордостью, и это был очень важный принцип политической власти. Законность Короля должна быть сохранена, чтобы все подчинялись закону.

Если, например, извинения принца прямо сейчас станут известны общественности... то наказывать будут "ту сторону, которая заставила его выразить" свои извинения. Другими словами, Виолетта.

Клавдий тоже должен знать об этом. Каким бы узколобым ни было его правосудие, понимает ли он, чего стоит его собственная голова? Если бы он даже не знал этого, он не был бы Королём.

- Можешь не сомневаться. То, что здесь произошло, никогда не просочится наружу.

- Это... может быть и так, но...

Это место было частью школы, куда в основном поступали аристократы, и только те, кто стоял наверху, могли пользоваться этим местом. Простота его использования и безопасность его внутренней части не были бы пропорциональны. Дворецкий, который был единственным посторонним, достойным ступить на это место, уже был снаружи, и звукоизоляция этой комнаты должна была работать соответственно.

Теперь о поведении Клавдия знала только Виолетта.

- Когда мы выйдем из этой комнаты, ты можешь забыть мою речь и поведение... во-первых, я сделал это не потому, что хотел получить прощение. Если ты хочешь оставить всё как есть, я тоже подчинюсь.

Какой смысл в его поступке, если он позволит ей забыть об этом? Какой смысл в его извинениях, если он не просит прощения?

Несмотря на то, что они противоречили друг другу и имели сходные причины для оправдания ребёнка, Клавдий был серьёзен от всего сердца.

Виолетта не должна была его прощать. Она могла просто забыть об этом. Они могли просто оставить всё как есть.

То, что он хотел передать, не было ни размышлением, ни сожалением, ни чувством вины.

- Но я просто... знаю, что смогу разрешить недоразумения в тот день.

Клавдий не мог ни стереть случившееся, ни публично извиниться. Даже если он сумеет извлечь урок из гнева Юрана в будущем, это никак не повлияет на положение Виолетты.

Когда Юран заметил, что Клавдий ничего не может сделать, и понял, что совершил непростительную ошибку... Клавдий начал думать о том, как облегчить душу Виолетты, пусть даже на самую малость.

Клавдий подумал о том, чтобы ничего не делать и подождать, пока пройдёт какое-то время. Возможно, это был бы лучший выбор, но его нерешительность не исчезла полностью.

Причина, по которой он всё ещё извинялся, была, несомненно, в том, что недоразумение поглотило сердце Клавдия больше, чем думали другие.

Даже если Виолетта была кем-то, кого обвиняли, её невинность на мгновение стала её щитом. Но даже в этом случае, когда массы придут к своим собственным выводам, они не будут сдерживаться, независимо от света и тени причины. По правде говоря, её невинность тоже могла служить грехом.

- Пожалуйста, только знай, что я знал, что был неправ в тот день.

Возможно, он делал какую-то глупость. Возможно, он снова вызовет гнев Юрана.

Существовало убеждение, которому Клавдий никогда не подчинялся.

Он должен быть уверен, что не причинит Виолетте ещё одну боль случайно.

(Хотя человек, который вообще не смотрел на это, была я...)

Виолетта и не пыталась узнать. Она также не пыталась понять.

Она просто продолжала подталкивать себя к Клавдию и не пыталась делиться. Она просто хотела исцелить свою боль, и не потрудились посмотреть на его дискомфорт.

По сравнению с теми благородными дамами, которые стремились к внешности и титулу Клавдия, Виолетта, которая навязывалась Клавдию на самом деле только потому, что это было удобно, была гораздо более порочной.

Мечтательную девушку можно было бы считать очаровательной, но она просто бесновалась, если пересекала границу снов. Она вышла за пределы бегства от реальности.

Всё началось с Виолетты.

Виолетта передала Клавдию своё впечатление от её мечты и фанатизма. Это заставило его увидеть в Виолетте злого человека. Это правда, что он ложно обвинил Виолетту, но это не значит, что она невиновна.

И всё же Клавдий склонил голову. Он извинился.

Он признавал свою ошибку от всего сердца и больше беспокоился о боли Виолетты, чем о том, чтобы получить прощение.

Клавдий был искренним человеком, как ни крути. Он был серьёзен, искренен и, возможно, глуп. Он был идеальным принцем во всех смыслах, несмотря на свои бесчисленные недостатки и эксцессы.

Человек, которого звали Клавдий, был очень откровенным человеком. Наверняка настанет день, когда его сердце будет разбито. Даже если Клавдий будет сопротивляться, его бестактная вера только навредит ему и стране как тому, кто стоит на вершине страны.

Виолетта больше не видела идеального будущего, которое она навязала ему.

Её чувства были нечисты, расчетливы и полны лжи. Она хотела счастья, которое окружало Клавдия, и пыталась использовать эту любовь как ступеньку.

Всё было именно так, как сказал Клавдий. То, что он видел, было в точности истинной природой Виолетты, и в этом был только один смысл.

Это была слишком уродливая любовь, чтобы назвать её страстью. Любовь, слишком нечистая, чтобы вызвать восхищение.

И всё же, даже несмотря на то, что это чувство не имело оттенка чистоты в нём..

(Мне... раньше нравились такие люди.)

Смешной, глупый и грубый принц, который был мягким, честным, прямым и вершил правосудие.

Это чувство не было восхищением. Это не было страстью.

И всё же Клавдий был первым человеком, который понравился Виолетте.

<http://tl.rulate.ru/book/20460/754685>